

Записки

переводчика-рецидивиста

Григорий Кружков

СЛОВО
ПЕРЕВОДЧИКУ

ИЛЛЮМИНАТОР
МОСКВА 2023

Innisfree

Islands
of William and Butler

WALLACE
MOUNTAINS

KEY WEST STRAIT

THE END
OF THE MIN

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Seamus Island

Остров Толмачей
(*Insula Traditorum*)

Terrapins

The Lear
Plateau

THE SNARK,
SAILBOAT

Seven Ionian
Isles

Nonsense Bay

Arly

♥ ГЛАВА ПЕРВАЯ

Начало

Ново-Басманная, 19 * Три мушкетера * Слава Греции и величие Рима * Пойди туда, не знаю куда * «Высокий мир! Высокая печаль!» * Утраченная юность * Excelsior! * Восемь лет за Рахиль

В

се началось с того, что никому не известный аспирант-физик узнал адрес издательства «Художественная литература», приехал на Ново-Басманную улицу, дом 19, поднялся на пятый этаж, в отдел зарубежной литературы, постучался в первую дверь и спросил, кому можно показать свои переводы. Их у меня было ровно два: «Ода Греческой Вазе» Джона Китса и его же сонет, начинающийся по-английски словами: *I cry you mercy – pity – love! – aye, love.*

Тот первый человек, который взял из моих рук переводы, был высок ростом, худ и как-то по-белогвардейски бесшабашен. Он прочитал стихи и моментально вызвал из другой комнаты другого редактора, помоложе. Тут же, в коридоре, судьба моя была решена. Понимающие взгляды, которыми обменялись эти двое, были не просто взглядами заговорщиков, это

был знак принятия меня в некий мушкетерский полк — щедрая честь, не соизмеримая с тогдашней моей заслугой. Не знаю, как они смогли что-то разглядеть в тех сырых переводах, но вслед за коротким разговором, кто я и что, последовало ныряние в третью дверь, и вскоре оттуда появился третий мушкетер, чьи речи и манеры не оставляли сомнений, что я говорю с одним из самых образованных и блестящих людей сего века. В простых и ясных словах он рассказал, что заканчивает подготовку двухтомника произведений Эдгара По, и предложил мне перевести несколько стихотворений. Представьте себе — самого Эдгара По, которого переводили еще Бальмонт и Брюсов, не больше и не меньше!

Сейчас это представляется мне сценой из какой-то сказки. Назову и имена действующих лиц (в порядке их появления): Олег Степанович Лозовецкий, мой первый редактор; Виктор Соломонович Санович, переводчик-японист; и Сергей Александрович Ошеров, античник, стиховед, блестящий переложитель Вергилиевой «Энеиды».

С того двухтомника Эдгара По и начался мой путь переводчика-рецидивиста. Разумеется, Ошеров заказал мне не «Ворона» и не «Улялюм», а кое-что из тех ранних стихов По, для которых у него не было переводов. И опубликовал все, что я ему принес. Там было и стихотворение «К Елене» (1831), вдохновенное, как пишут комментаторы, античной красотой матери университетского друга Эдгара. Но что бы ни было первоначальным толчком, стихотворение в целом можно прочесть как присягу великой европейской цивилизации, стоящей на фундаменте Древней Греции и Рима.

Перечитывая теперь первую строфу своего перевода, я удивляюсь той лихости — точнее сказать, молодому нахальству, с которым я, преодолевая свое тогдашнее невежество, переложил те полупонятные строки.

НАЧАЛО

*Helen, thy beauty is to me
Like those Nicéan barks of yore,
That gently, o'er a perfumed sea,
The weary, way-worn wanderer bore
To his own native shore.*

Elegance Poë .

То есть «Елена, твоя красота для меня как те никейские корабли былых времен, которые плавно по благоуханным волнам несли к родным берегам усталого, измученного в пути скитальца».

*Елена! Красота твоя –
Мне, словно парус морякам –
Скитальцам, древним, как земля,
Ведущим корабли в Пергам,
К фригийским берегам.*

Интересно, что в оригинале нет ни «Пергама», ни «фригийских берегов». Откуда же они взялись? Мне просто нравились эти слова, которые я когда-то прочел у Жуковского и Пушкина.

*Пал Приамов град священнѣй;
Грудой тепла стал Пергам!*

(«Торжество победителей»)

*Уже наигрѣвал я слабыми перстами
И гимны важныя, внушенныя богами,
И песни мирныя фригийских пастухов.*

(«Муза»)

Корабли уносили юного поэта-скитальца, конечно, к тем берегам, где греческие воины у стен Трои сража-

лись за Прекрасную Елену. Положим, Пергам может стоять вместо Трои, раз он стоит у Жуковского. Но угадали я с фригийскими берегами? Тогда мне этот вопрос и в голову не приходил: Пушкин не мог меня подвести. Впрочем, возможно, это была зрительная память. Много позже, поинтересовавшись, я узнал, что Фригийское царство доходило до пролива Геллеспонт (Дарданеллы), вблизи которого стояла Троя, и фригийцы участвовали в Троянской войне. В сущности, Никея употреблена Эдгаром По тоже как примерный географический ориентир с античными отзвучиями. Так что меня счастливо пронесло над всеми рифами, и в конечном счете содержание строфы оказалось передано верно.

Сложнее было передать две знаменитые строки в середине стихотворения — о возвращении домой, на родину:

*To the glory that was Greece,
And the grandeur that was Rome.*

Переводчик, которому было ненамного больше лет, чем автору стихотворения, помучившись с этими чеканными строками, заменил их другими, в которых старался только сохранить контраст между овечьей подвигами Грецией и тяжеловесным Римом:

*К сиянью Греции святой
И славе, чье имя – Рим!*

То, что С.А. Ошеров, замечательный ученый-античник и, как я позднее узнал, университетский наставник Сергея Аверинцева, принял стихотворение без замечаний, успокоило мои терзания, но червь сомнения остался, и он шевелился при каждой новой перепечатке стихотворения. И в конце концов, в одно прекрасное утро, не дав подняться с постели, этот самый червь заставил меня еще раз напрячься и породить другой, более точный вариант этих строк:

НАЧАЛО

*Туда, где славу Грек обрел,
Где величался гордый Рим.*

Приведу целиком последний вариант перевода:

*Елена! Красота твоя –
Мне, словно парус морякам –
Скитальцам, древним, как земля,
Ведущим корабли в Пергам,
К фригийским берегам.*

*Как зов наяд, мне голос твой
Звучал за ропотом глухим
Бессонных волн – и звал, и вел
Туда, где славу Грек обрел,
Где величался гордый Рим.*

*В алмазной раме у окна
Вот ты стоишь, стройна, как взмах
Крыла, с лампадою в руках.
Психея, не оставь меня
В заветных снах!*

Пятьдесят лет мой перевод «К Елене» ждал последнего верного штриха, последнего исправления. И это не рекорд. Столько же, не меньше, ждала и та самая ода Джона Китса, *Ode on a Grecian Urn*, с которой я пришел тогда на Ново-Басманную, — пока ее последняя строфа, испытывав множество метаморфоз (я менял ее при каждой новой публикации), не приняла окончательного вида. И только сейчас я решаюсь дать ей окончательное название, выбрав из двух возможных переводов (*urn* — «ваза», «урна») более торжественное и архаичное: «Ода Греческой Урне». Поначалу-то у меня стояло «Ваза» — в соответствии с уже сложившейся русской традицией.

Я учился тогда в физической аспирантуре в маленьком городке на берегу Протвы, недалеко от Серпухова, жил там в общежитии, но часто ездил в Москву — повидаться с родителями и друзьями. Дорога была долгая, и в электричке, а потом в автобусе, я обычно читал какие-нибудь стихи, а порой и сочинял свое.

И вот тогда дремлющая почка перевода, которая с ранней юности никак не давала о себе знать, неожиданно очнулась и стала подозрительно набухать. Причиной была книга Джона Китса на английском языке, выпущенная издательством «Прогресс»: время от времени оно издавало такие книги для студентов языковых вузов. В нее вошли лучшие сонеты и оды Китса, а также две небольшие поэмы. Составителем и автором предисловия значился Владимир Владимирович Рогов. С этой книги и началась моя пожизненная любовь к Джону Китсу. В то время, в 1960-х годах, Китс был еще малоизвестен в России.

Меня сразу заворожил звук стихов, этот сильный и смелый голос, ни на кого не похожий — и в то же время неуловимо напомнивший мне Пушкина. В дальнейшем, читая Китса, я заметил многие черты сходства двух поэтов, русского и английского. Например, эллинизм, который у Пушкина начался со скульптур Царского Села и Летнего сада, а у Китса — с «мраморов Элгина», великих творений Фидия, привезенных из Афин и выставленных в Британском музее. Последняя поэма Китса «Гиперион» (по словам Байрона, «внушенная титанам») посвящена войне богов. Она не закончена и похожа на обломок фриз Парфенона. Но это лишь придает ей убедительности. У Пушкина тоже много величавых обломков. Это поэтика фрагмента, открытие романтиков.

По счастью, когда я начал переводить Китса, я еще совсем плохо знал английский. И это мне очень помогло. Сквозь волшебный туман невежества стихотворение казалось одновременно знакомым и незнакомым, далеким и близким. Много позже я понял, что этот туман — обя-

НАЧАЛО

зательная вещь в нашей профессии. Впрочем, если ты знаешь язык даже очень хорошо, расстраиваться не стоит: ведь туману нагнать можно и самому — как это делают на съемках фильма, для этого у киношников есть специальная машина. Нужно только прищуриться и расфокусировать глаза так, чтобы между тобою и стихотворением сооткалась эта волшебная пелена.

Вот тут и расставляй руки и лови, как в жмурках, зазевавшиеся смыслы. Угадывай, откуда идет звук, поворачивайся из стороны в сторону, наткнись на стул и на лампу. Вот это — самое мое; вот почему я прикипел к переводу. *Пойди туда, не знаю куда, и принеси то, не знаю что* — всегда казалось мне идеальным планом действий.

Недаром Мандельштам главным в искусстве считал «жмурки и прятки духа»¹. Как это совместить с его же «хищным глазомером простого столяра»²? А вот так — берите и совмещайте: в области идей лучше всего совмещается несовместимое.

Итак, на ощупь, почти вслепую я стал переводить один из главных шедевров Китса, «Оду Греческой Урне»:

О строгая весталка тишиньы,
Питомица медлительных времен,
Молчунья, на которой стариньы
Красноречивый след запечатлен!

Начало далось мне легко. Так, с налета, идя на звук, я добрался до последней строфы; я понимал, что она самая важная, ударная.

O Attic shape! Fair attitude! with brede
Of marble men and maidens overwrought...

Я не знал, что такое *Attic*, не знал, что такое *attitude* и, конечно, что такое *brede*. Но звук вел меня, и я ничтоже сумняшеся написал:

O Attic shape! fair attitude
Of marble men and maidens
With forest-branches and trodden
Thou silent form dost tease us
As with sweet breath! only Pity
Shall move me from thee!

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

Всадник.

Фрагмент фриза Парфенона. Фотография. 1860–1910.

Библиотека Конгресса США, Вашингтон

*Высокий мир! Высокая печаль!
Навек смирённый мрамором порыв...*

Я бы и сейчас лучше не перевел. Оказались не нужными ни «аттический образ», ни «прекрасная статья». Два раза повторенного слова «высокий» с пришедшей ниоткуда «печалью» — хватило. Когда же я пытался сжульничать, подсмотреть из-под платка, что там происходит дальше, я попадал впросак. Потому и пришлось мучиться годами над продолжением строфы, переделывать и переделывать, пока я не решился и не забыл полностью, что там было «на самом деле». Тогда, наконец, получилось.

*Высокий мир! Высокая печаль!
Навек смирённый мрамором порыв!
Холодная, как вечность, настораля!
Когда и мы, дар жизни расточив,
Уйдем – и вслед несбывшимся мечтам
Опять придет надежда и мечта,
Тогда, не помня о минувшем зле,
Скажи иньим векам и племенам:
«В прекрасном – правда, в правде – красота;
Вот все, что нужно помнить на земле».*

Вторая строка тоже заслуживает внимания с точки зрения перевода. Из оригинала тут только слово «мрамор». «Смирённый мрамором порыв» — чистейшая отсебятина, но кто мне скажет, что эта отсебятина здесь неуместна и что она не продолжает мотива «печали» в первой строке (такой же отсебятины)? Да, конечно, я *вчитал* сюда мысль о превращении жизни в искусство. Но разве ее не было у Китса?

И главное: эти строки естественно вытекают из предыдущего, а из них легко и естественно вытекают следующие строки: «в прекрасном — правда» и все остальное. Самая страшная, фатальная болезнь перевода — закупорка его кровеносной системы.

TERRA
SCURA

Stevens
Rocks

Owl's
Clover

WALLACE
MOUNTAINS

ПРИЛОЖЕНИЕ

*Islands
of William and Butler*

THE END
OF THE MIND

Seamus Island

*From the Old
Irish Poetry*

John Donne

John Keats

Edward Lear

Lewis Carroll

Emily Dickinson

William Butler Yeats

Rudyard Kipling

Robert Frost

Wallace Stevens

Seamus Heaney

*Из древнеирландской
поэзии*

Джон Донн

Джон Китс

Эдвард Лир

Льюис Кэрролл

Эмили Дикинсон

Уильям Батлер Йейтс

Редьярд Киплинг

Роберт Фрост

Уоллес Стивенс

Шеймас Хини

☞ *From the Old
Irish Poetry*

[THE SCRIBE IN THE WOODS]

*Dom-farcaí fídbaide fáil
fom-chain loíd luin, lúad nād céil;
hūas mo lebrán, ind línech,
fom-chain trírech inna n-én.*

*Fomm-chain coí menn, medair mass,
hi mbrot glass de dingnaib doss.
Debrath! nom-Choimmdiu-coíma:
cáin-scríbaimm fo roída ross.*

(9th century)

МОНАХ В ЛЕСОЧКЕ

*Рад ограде я лесной;
За листвою свищет дрозд;
Над тетрадкою моею
Шум ветвей и гомон гнезд.*

*И кукушка в кlobуке
Вдалеке будит лес.
Боже, что за благодать –
Здесь писать в тени деревьев!*

(IX в.)

THE SORROW OF LOVE

*The brawling of a sparrow in the caves,
The brilliant moon and all the milky sky,
And all that famous harmony of leaves,
Had blotted out man's image and his cry.*

*A girl arose that had red mournful lips
And seemed the greatness of the world in tears,
Doomed like Odysseus and the labouring ships
And proud as Priam murdered with his peers;*

*Arose, and on the instant clamorous eaves,
A climbing moon upon an empty sky,
And all that lamentation of the leaves,
Could but compose man's image and his cry.*

ПЕЧАЛЬ ЛЮБВИ

*Под старой крышей гомон воробьев,
И блеск луны, и млечный небосклон,
И шелест листьев, их певучий зов,
Земного горя заглушили стон.*

*Восстала дева с горькой складкой рта
В великой безутешности своей –
Как царь Приам пред гибелью, горда,
Обречена, как бурям Одиссей.*

*Восстала, – и раздоры воробьев,
Луна, ползущая на небосклон,
И ропот листьев, их унылый зов,
Слились в один земного горя стон.*

LOOKING FOR A SUNSET BIRD
IN WINTER

*The west was getting out of gold,
The breath of air had died of cold,
When shoeing home across the white,
I thought I saw a bird alight.*

*In summer when I passed the place
I had to stop and lift my face;
A bird with an angelic gift
Was singing in it sweet and swift.*

*No bird was singing in it now.
A single leaf was on a bough,
And that was all there was to see
In going twice around the tree.*

*From my advantage on a hill
I judged that such a crystal chill
Was only adding frost to snow
As gilt to gold that wouldn't show.*

*A brush had left a crooked stroke
Of what was either cloud or smoke
From north to south across the blue;
A piercing little star was through.*

**Вспоминая зимой птицу,
Певшую на закате**

*День угасал в морозном блеске.
Я шел домой – и в перелеске,
Где стыла голая ветла,
Почудился мне взмах крыла.*

*Как часто, проходя здесь летом,
Я замирал на месте этом:
Какой-то райский голосок
Звенел мне, нежен и высок.*

*А ныне все вокруг молчало,
Лишь ветром бурый лист качало.
Два раза обошел я куст,
Но был он безнадежно пуст.*

*С холма в дали искристо-синей
Я видел, как садился иней
На снег – но он старался зря,
Серебряное серебра.*

*По небу длинною грядкою
Тянулось облако седое,
Пророча тьму и холода.
Мигнула и зажглась звезда.*

